

© 1992 г., ЭО, № 4

Т. В. Станюкович

ЕВГЕНИЯ ЭДУАРДОВНА БЛОМКВИСТ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Известный советский этнограф Евгения Эдуардовна Бломквист (1890—1956 гг.) была широко эрудированным исследователем, одним из ведущих специалистов Института этнографии АН СССР в области славистики и американистики, знатоком полевой и музейной работы, популяризатором науки.

Закончив в 1924 г. этнографический факультет Ленинградского географического института, она поступила на работу в этнографический отдел Государственного Русского музея, где вела разнообразную научно-исследовательскую и политико-просветительную деятельность. Она составляла путеводители к экспозициям¹, разрабатывала методические руководства для экскурсоводов и одновременно принимала активное участие в экспедиционно-полевой работе музея и этнологической секции Института материальной культуры (ГАИМК). Помимо этого Е. Э. Бломквист читала лекции в Комвузе, Пединституте и Совпарт-

школе (1924—1935 гг.), руководила секцией этнографии в Центральном экскурсионном бюро (1924—1927 гг.), разрабатывала и водила экскурсии в Музей антропологии и этнографии по истории первобытного общества, письменности, одежды («От раскраски тела к одежде»), по культуре и быту «народов холодных и жарких стран» и ряду других тем².

Экспедиции, в которых она участвовала, длились по несколько месяцев, а иногда и в течение ряда полевых сезонов. Так, например, Верхне-Волжская экспедиция продолжалась с 1923 по 1925 г., Юго-Восточная — с 1925 по 1927 г. и т. д. Обильные полевые материалы, прекрасное знание письменных источников и коллекций этнографических музеев Москвы, Вологды, Казани, Саратова, Рыбинска, Ярославля, Воронежа, Загорска и других собраний, главным образом европейской части СССР, а впоследствии (в 1940-е годы) Средней Азии и Казахстана выдвинуло вскоре Е. Э. Бломквист в ряды ведущих специалистов по материальной культуре восточнославянских народов.

В 1935 г., с переходом в Музей антропологии и этнографии АН СССР, начался новый период научной деятельности Е. Э. Бломквист — исследование

культуры народов Северной Америки. Она систематизирует музейные коллекции, публикует путеводитель по отделу народов Северной Америки, карту хозяйства и техники индейцев этого региона. Евгения Эдуардовна перевела на русский язык книгу Моргана «Лига ирокезов», написала ряд статей по культуре североамериканских индейцев³. Она была автором экспозиции «Коренное население Северной Америки», открытой в 1953 г. в Музее антропологии и этнографии⁴. В эти же годы Е. Э. Бломквист на основе изучения материалов архивов АН СССР и Всесоюзного географического общества подготовила публикацию, посвященную И. Г. Вознесенскому⁵, который посетил «русскую Америку» в середине прошлого века, а также исследование «История изучения в России североамериканских языков» (не издано до настоящего времени).

Работы Евгении Эдуардовны по этнографии базируются на широком круге источников, включая материалы по археологии, лингвистике, диалектологии, фольклору, народному искусству, истории, экономике и пр. Собранные ею полевые материалы также свидетельствуют об огромном диапазоне научных интересов Е. Э. Бломквист, многообразии исследовательских подходов к объекту изучения. Широкая эрудиция, всесторонний анализ культуры народа, оригинальное видение ряда научных проблем определили своеобразие «научного почерка» Е. Э. Бломквист.

В 1945 г. Евгения Эдуардовна возглавила работу ленинградской группы славяно-русского сектора Института этнографии и продолжила исследования в области славяноведения, начатые в предыдущие годы.

Уже первые работы Е. Э. Бломквист были отмечены особенностями ее исследовательского стиля и интересом к той проблематике, в области которой она впоследствии сделала столь много. Одной из важнейших особенностей этого стиля было не только обилие фактического материала непосредственно по теме, но также привлечение данных по истории, экономике края и духовной культуре изучавшейся группы населения, т. е. рассмотрение конкретной темы в контексте общей культуры народа.

Так, например, содержание статьи «Постройки Мологского уезда» (1926 г.)⁶ намного шире своего названия. Базой для нее послужили, главным образом, материалы, собранные автором в течение трех полевых сезонов. Изучив и детально описав жилища, она констатирует, что на данной территории сложилось несколько строительных традиций, наиболее яркие из которых типичны для двух этнографических групп русских — «сицкарей» и «захарынцев». Она устанавливает время и социально-экономические предпосылки возникновения этих «плотницких районов», характеризует стилистические особенности, присущие каждому из них, выявляет сезонный ритм и географию деятельности плотников-отходников из этих регионов, отмечает, что специализация населения нашла отражение в фольклоре («Сицкари с топором, что каток (т. е. телега.— Т. С.) с конем») и даже в верованиях. Так, например, новорожденного мальчика повитуха передавала отцу, который сажал голого ребенка на топор, положенный на пороге избы, и несколько раз произносил: «Будь хорошим плотником!» Характерно, что население, не занимающееся этим промыслом, считало, что плотники наделены «особым знанием», а некоторые «знаются с нечистой силой» и по своему желанию могут сделать жизнь семьи в построенном ими доме счастливой или несчастной. Поэтому плотников всячески задабривали и угощали. Характеризуя структуру плотницких артелей и календарь отхожих промыслов, Е. Э. Бломквист отмечает, что последний находился в прямой зависимости от календаря сельскохозяйственных работ.

Описание строительства дома Е. Э. Бломквист начинает с материала, указывая, что для жилых помещений использовали ель, а для «холостых» — т. е. амбаров, житниц — осину. Основные этапы возведения жилища сопровождались угощением исполнителей: выбор места для постройки дома, установление окладного венца («окладное угощение»), окончание установки всего сруба, установление потолочных балок («матешное угощение»), установление стропил крыши («пяточное

угощение»), настилка кровли («замочка крыши»). Одни сопровождалась магическими действиями, другие — традиционной словесной формулой или не менее традиционным диалогом. Так, например, в центр плоскости, очерченной окладным венцом, было принято устанавливать березку с прикрепленной к ней иконой; при «замочке крыши» старшой артели, сидя с топором на коньке крыши, вел следующий диалог с хозяином: «Хозяин, от дождя крыть или от солнца?» — «Начинайте — сейчас несущ». Если плотники были довольны угощением, то в заключение трапезы благодарили и произносили фразу: «Вот и у тебя как следует дом будет стоять!»

Далее автор подробно описывает способы укрепления сруба, конструкцию крыши, кровельные материалы (щепу, солому), способы настилки и крепления, внутренний «наряд» избы (отделку стен, потолка, вставку оконных рам и дверей, неподвижную мебель), причем везде отмечает особенности работы двух местных школ: захарьинцев и сицкарей, выражающихся в некоторых деталях техники, отделке «наряда» и его составе. У «захарьинцев» как группы, более связанной с городской культурой, «наряд» избы был сравнительно более современным, «сицкари» же («деревенщины») придерживались архаических форм.

При описании дома, хозяйственных служб и их связи между собой приводится тщательно собранная местная терминология. Самой замечательной чертой исследовательского почерка Е. Э. Бломквист является то, что излагая даже самый «сухой» казалось бы материал по технике, планировке дома и усадьбы, она умеет делать его интересным, ибо рассматривает не просто план, не просто технику, а за всем этим видит живущую в данном комплексе семью, иллюстрирует изложение бытовыми подробностями, частушками и поговорками. Не менее красочно описывает она хозяйственные постройки — тоже в неразрывной связи с хозяйственной деятельностью населения. Так, она зафиксировала смену состава хозяйственных строений у захарьинцев, которые издавна занимались кузнечным и углежогным промыслом, однако в связи с истощением лесных угодий вынуждены были переквалифицироваться в плотников-отходников.

Интересные наблюдения были сделаны Е. Э. Бломквист и в так называемых «плотничьих» деревнях. В ряде селений, основную массу жителей которых составляли плотники-отходники (например, в д. Райская Круглица), каждый дом имел свое лицо, он как бы демонстрировал возможности и вкусы проживающего в нем мастера. Это наглядный «альбом» помогал заказчику, проходя по улице деревни, выбрать того мастера, дом и отделка которого соответствовали его вкусу.

Анализируя фонд построек на усадьбе, Е. Э. Бломквист первой из исследователей народного жилища пришла к выводу, что хозяйственные постройки дольше сохраняют архаические черты, чем жилые, и отражают (в той или иной мере) историю развития народного жилища.

Значительное внимание Евгения Эдуардовна уделяет украшению жилища, в частности резьбе, начиная от форм «старого завета» и кончая современными для того времени, от долотной глухой резьбы до пропиловки лобзиком. Она описывает инструментарий, мотив композиции и их название, а также выявляет места, на которых эти украшения помещаются, соотношение резьбы и фона, наличие городских орнаментальных форм и их переработки.

В таком же ключе написаны работы Е. Э. Бломквист о жилище Калужской губернии⁷ и ряда других регионов. Однако наиболее ценными являются две работы, увенчавшие ее научно-исследовательскую деятельность в русле этой проблематики: «Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов», опубликованные в 1956 г. в «Восточнославянском сборнике» и историко-этнографическом атласе «Русские» (1968). Обе работы были крайне трудоемки. Евгения Эдуардовна принимала активное участие в подготовке раздела «Жилище» историко-этнографического атласа. Она составила программы, по которым предполагалось картографировать материал (20 тем), и в ряде случаев одновременно

определяла и обосновывала принципы подхода к типологии отдельных объектов, которые к тому времени совершенно еще не были разработаны. Так, например, особую сложность представляла типология связи дома с двором — такие формы, как однорядная, двурядная связи, открытый двор, двор покоем — его открытые, полузакрытые или крытые формы, имевшие огромное число разновидностей. Очень плохо обстояло дело с источниками. Учет всех печатных и рукописных данных показал, что на территории расселения русских (в европейской части СССР) имеется значительное число зон, не обеспеченных собранными прежде материалами. Для обследования этих «белых пятен» направлялись экспедиции, которые Евгения Эдуардовна инструктировала и снабжала программами. Собранные материалы заносились на специальные бланки под соответственными шифрами.

В результате был подготовлен Русский этнографический атлас, содержащий 17 карт по жилищу двух периодов (середина XIX — начало XX в), позволяющих наглядно показать традиционные приемы постройки жилища и его эволюцию. Помимо карт атлас включает два тома текстовых приложений с научно-исследовательскими статьями по всем темам и исчерпывающей библиографией.

Работа «Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов»⁸ объемом свыше 25 п. л. — поистине удивительна. Читается она как роман, хотя и содержит громадный фактический, в ряде случаев, казалось бы, «сухой» материал. Несмотря на то, что восточнославянское жилище рассмотрено на громадном пространстве (от Карпат на западе до Тихого океана на востоке, от Ледовитого океана на севере до Восточного Казахстана на юге) и представляет огромное разнообразие, Евгении Эдуардовне удалось выявить ряд общих черт в характере самих построек, в их планировке и технике возведения, в назначении отдельных частей дома и их терминологии, доказывающих генетическую общность основных видов восточнославянского жилища.

Изложенный в монографии материал показывает, что в то время как на противоположных окраинах восточнославянской территории жилища сильно отличаются, между соседствующими типами жилищ резких границ не существует, все они связаны обилием переходных форм, в которых разнообразно сочетаются признаки основных видов. Отсутствие резких границ между типами построек на восточнославянской территории, постепенный переход от одного типа к другому дают возможность рассматривать их — в любом направлении от края до края нашей страны — в виде непрерывной цепи, звенья которой тем сильнее различаются, чем дальше они отстоят одно от другого. Общие черты в жилище славян — делает выводы автор — обусловлены общностью происхождения, сходными историческими, социальными и физико-географическими условиями, постоянными связями русского, украинского и белорусского народов в течение столетий.

Различия же объясняются этнокультурной традицией отдельных групп населения, разницей в их исторических судьбах и в конкретных социальных и экономических условиях в известные периоды, а также местными климатическими условиями и почвами, рельефом местности и характером системы рек, знакомством с той или иной техникой, наличием тех или иных материалов. Под влиянием всех этих факторов возникли сложные культурные комплексы и их варианты.

Работа начинается с обширной исторической справки, содержащей свод археологических сведений о расселении, поселениях и типах славянского жилища, начиная с землянок и кончая культовыми комплексами. Для реконструкции конкретных форм Е. Э. Бломквист широко использует временные постройки рыбаков, охотников — «лесные избушки», «зимницы» (север), курени (юг), «чадовки», устраивавшиеся крестьянами-«боровщиками», которые вынуждены были подолгу жить в лесу на различных промыслах. Она прослеживает специфические черты техники возведения этих построек (каркасная, срубная), а также способы их отопления, считая, что они воспроизводят облик раннеславянских жилищ.

Интересный очерк в этой работе посвящен самому термину «изба». Используя лингвистические материалы, Евгения Эдуардовна показывает, что термин «изба — истопка» происходит от глагола топить, истопить, а отнюдь не от слова «Stube», как это утверждала К. Рамм и другие немецкие исследователи.

Далее, опираясь на письменные источники (летописи, «нарядные грамоты», планы монастырей, актовый материал) и миниатюры, автор описывает орудия, способы рубки, состав жилых комплексов и прослеживает эволюцию типов жилища.

Невозможно останавливаться на всех темах, которых она касается в этой монографии. Достаточно перечислить ее основные разделы, чтобы стала ясна ее ценность: древние поселения восточных славян, тип заселения, их расположение на местности, типы сельских поселений (деревня, весь, погост, слобода, посад, село, станица, околица, застенки, место, торг, заимка, починок, хутор), типы планировки поселений (кучевая, гнездовая, круговая, радиальная, линейная, уличная), ориентировка жилища по странам света.

Огромную ценность представляет раздел «Общая характеристика основных комплексов крестьянских жилищ и дворов (усадеб)», требовавших, как уже говорилось, создания четкой классификации. Критически пересмотрев попытки предшествовавших исследователей, Е. Э. Бломквист создает новую типологию, основанную на едином принципе.

Глава IV посвящена технике и приемам возведения построек как с точки зрения материала (дерево, глина, кирпич, известняк), так и способов возведения стен (особенности рубки, типы каркаса, заливки, кирпичной и каменной кладки), крыши (самцовая, стропильная), крепления кровли (из соломы, камыша, дранки, черепицы и др.). Техника постройки надворных служб и их структура, планировка жилых построек — все эти темы рассматриваются типологически и картографируются, причем для сравнения привлекается материал по восточнославянскому населению Средней Азии, Казахстана и Сибири.

При описании разделов, связанных с отделкой жилища и интерьером, сказывается огромная эрудиция Е. Э. Бломквист в области народного искусства. Она прекрасно разбирается как в архитектуре, так и в скульптурной отделке жилища (поялы, курицы, коники, мебель), а также в резьбе и росписи по дереву. Все вопросы, связанные с ними, рассматриваются в генетическом и историческом плане; в обзор включается масса тем, ранее мало освещенных в литературе: пропиловочная резьба, роспись интерьера и фасадов русского жилища, отделка дома кладкой из окрашенных кирпичей, изразцов, лепные украшения и многое другое.

Подробному исследованию подвергаются такие элементы интерьера, как печь и мебель. Раздел о печах имеет исключительный интерес. Выстроив генетический ряд начиная с трипольского периода, Е. Э. Бломквист показывает генезис русской печи-каменки и ее более развитых форм: черные печи, полубелые (с дымоходами разных конструкций), белые русские печи и разнообразные многоканальные формы отопительных печей.

Интереснейший материал излагается ею по неподвижной и подвижной мебели, которая ранее — особенно ее подвижные формы (детская мебель, сундуки, скамеечки для дойки и т. д.) — не освещались в научной литературе.

Значение этой работы трудно переоценить. Она навсегда останется классической монографией по восточнославянскому сельскому жилищу.

Интересны работы, посвященные культуре и быту локальных групп, обитающих в иноязычном и инокультурном окружении, а именно восточнославянскому населению Казахстана, Средней Азии и даже Канады. Первая из них — «Бухтарминские старообрядцы»⁹ была посвящена русским старообрядцам, поселившимся на крайнем востоке Казахстана. Обследовав (совместно с Н. П. Гринковой) эту группу, Евгения Эдуардовна проследила историю ее формирования с середины XVII в. до 1920-х годов. Ядро бухтарминцев составляли беглые старообрядцы,

спасавшиеся «в камне» (т. е. в горах) от религиозных притеснений. Они скрывались в изолированных горных долинах, на «ничейной земле» и лишь в 1792 г. были приняты (по их просьбе) в русское подданство с обязательством, как и другие сибирские народы, платить ясак. Занимались старообрядцы главным образом охотой и рыбной ловлей, а к началу нынешнего века и мараловодством. Несмотря на трудные природные условия, они сумели создать крепкие зажиточные хозяйства, основанные на натуральном хозяйстве (все, начиная от тканей и кончая свечами, изготавливали сами). Анализ говоров, жилища и одежды показал, что основу культуры бухтарминцев составляют традиции северно-русского типа. В результате изолированности от основного массива русского населения они сохранили много архаических черт, размытых в ходе дальнейшего развития и урбанизации на основной территории расселения русского народа.

Монография «Бухтарминские старообрядцы» имеет непреходящее значение, так как зафиксированные авторами материалы служат как бы точкой отсчета, и при сравнении их с более современными позволяют выявить динамику всех основных параметров духовной и материальной культуры в данном регионе.

В конце 1960-х годов я предприняла поездку по маршруту авторов монографии. Мне удалось собрать материалы, свидетельствующие, насколько и в каких именно аспектах изменилась культура бухтарминцев за истекшие 30 лет. Следует подчеркнуть, что особенно большие сдвиги произошли в результате войны, на которой побывали все мужчины. Повидав «мир», они убедились в необходимости «светского» образования, в результате чего домашнее обучение церковно-славянской письменности (с помощью начетчиков) отошло в прошлое и дети начали обучаться в обычной советской школе. Электрификация и радиофикация, особенно последняя, соединили этот «медвежий» угол со всем Союзом. Ежедневные радиопередачи приобщили жителей бухтарминского района к общественной и культурной жизни страны и они перестали ощущать себя изолированной группой. Интересно было наблюдать, с каким жадным интересом местное население впитывало и усваивало получаемую информацию. Локальная специфика сохранилась лишь в сфере отдельных занятий (мараловодство) и некоторых сторонах материальной культуры (жилище, одежда), причем существенную роль в сохранении обычаев и традиционной одежды сыграли так называемые «возвращенцы» — зажиточные старообрядцы, бежавшие в период коллективизации в Сынцзян и возвратившиеся в родные места в 1950—1960-е годы.

В период Великой Отечественной войны Е. Э. Бломквист занималась изучением так называемых «уральцев»^{*}.

Примечания

¹ Бломквист Е. Э., Золотарев Д. А. Западные финны. Путеводитель. Л., 1927; Бломквист Е. Э. Полотенце в русском быту [листовка]. Л., 1926; *её же*. Набивание холста [листовка]. Л., 1966; *её же*. «Сговорный пряник» или «пряница» — свадебный пряник из г. Ростова Ярославской губернии//Отчет Гос. Русского музея за 1926—1927 гг. Л., 1927. С. 61—62; *её же*. Финляндский каток для белья. Там же. С. 62—64.

² Бломквист Е. Э. Первообытный человек. Материальная культура и религия. Л., 1925. С. 1—86; *её же*. Отдел Северной Америки. Путеводитель. М.; Л., 1936. С. 1—29.

³ Бломквист Е. Э. Дискриминация ирокезов в Соединенных Штатах Америки//Сов. этнография. 1951. № 2. С. 115—139; *её же*. Лингвистическая классификация коренного населения Северной Америки//Индейцы Америки. Этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии. Т. XXV. М., 1955. С. 10—24; *её же*. История колонизации Северной Америки и современное положение индейцев США и Канады//Там же. С. 27—66 и др.

⁴ Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978. С. 240.

⁵ Бломквист Е. Э. Рисунки И. В. Вознесенского//Сб. МАЭ. М.; Л., 1951. Т. XIII. С. 230—303.

^{*} См. в этом номере журнала статью С. К. Сагаевой «Уральская тема в научном наследии Е. Э. Бломквист».

⁶ Сб. «Верхне-Волжская этнологическая экспедиция». Л., 1926. С. 59—106.

⁷ Крестьянское жилище Калужской губернии. Этнографический отдел Гос. Русского музея. Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 2. Л., 1927. С. 1—16.

⁸ Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ. Т. XXXI. М., 1956.

⁹ Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 1—312, 397—432.

Е. Е. Blomkvist as a Student of Russian Ethnography

This paper was written by T. V. Stanyukovich, who tragically died not long ago. She was a colleague of E. E. Blomkvist. A characteristic of the Blomkvist's works on the Russian ethnography is given. Activity of E. E. Blomkvist in Russian Museum from 1924 and in the Institute of Ethnography in Leningrad from 1935 till the end of her life is briefly described. She was one of the leading specialists in Slavonic and American studies, with a great experience in field and museum work. Blomkvist's works are based on a wide range of a different sources: archaeological, linguistic, folklore, folk art, historical, economic and other.

© 1992 г., ЭО, № 4

С. К. Сагдиева

«УРАЛЬСКАЯ» ТЕМА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Е. Э. БЛОМКВИСТ

Особое место в научном наследии Евгении Эдуардовны Бломквист занимают исследования об «уральцах» Средней Азии, которые менее известны по сравнению с другими ее работами, возможно, вследствие небольшого объема публикаций по «уральской» теме.

Уральцы — группа уральских казаков, высланных в 70-е годы XIX в. из Уральского казачьего войска на Амударью и Сырдарью. Численность их в конце XIX в. определялась примерно в 7—8 тыс. человек. В дальнейшем они расселились на территории современного Южного Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Каракалпакии, Туркмении. Основными занятиями в прошлом у них было рыболовство, охота, торговля. Большинство уральцев — старообрядцы, до настоящего времени сохранили многие архаичные черты в быту и культуре.

В статье предпринята попытка познакомить читателя с темой «уральцев» в научном творчестве Е. Э. Бломквист*. Основным источником для нее послужили письма, отправленные Евгенией Эдуардовной из Ташкента и Каракалпакии разным корреспондентам. Среди них следует выделить диалектолога Надежду Павловну Гринкову, в соавторстве с которой Е. Э. Бломквист был подготовлен сборник «Бухтарминские старообрядцы», инженера Ольгу Ивановну Вер, ленинградского искусствоведа Эрну Владимировну Зиберт, с которыми Евгения Эдуардовна состояла в многолетней дружбе, О. И. Вер обработала и два года назад передала ее письма в Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.

* Пользуясь случаем, автор выражает признательность сотрудникам Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, И. В. Жуковской — зав. архивом Санкт-Петербургского филиала Института этнологии и антропологии РАН, а также глубокую благодарность Т. В. Станюкович за консультацию по вопросам, связанным с этой публикацией. Т. В. Станюкович, недавно ушедшая из жизни, была крупным исследователем культуры русского населения Средней Азии и Казахстана, она участвовала в подготовке посмертной публикации Е. Э. Бломквист об «уральцах», в обработке архива Евгении Эдуардовны. Татьяна Владимировна была близким другом Е. Э. Бломквист в течение всей жизни.